

Тогда Янь Лян специально наказала Чжуан Чуаньсюю, чтобы тот, описывая в письме положение Фэн Яояо, непременно удостоверился, что послание попадёт прямо в руки Фэн Чанхаю. Это было сделано дабы предотвратить козни госпожи Сунь и Фэн Жунжун — ведь Фэн Яояо, живой человек, пропала из дома Фэн уже два-три месяца, а семья, похоже, даже не пыталась её искать. Янь Лян не сомневалась, что здесь не обошлось без участия госпожи Сунь и Фэн Жунжун.

Тем более, что после побега Фэн Яояо из дома именно Фэн Жунжун связалась с горой Хэйянь, что и вынудило Фэн Яояо в панике бежать. Фэн Жунжун всегда была самой избалованной и драгоценной из знатных девиц Тунчжоу, привыкшая к высокомерию и капризам, полагаясь лишь на своё происхождение и положение. Если говорить о её уловках, то вряд ли они отличались особой изощрённостью.

Госпожа Сунь, души не чаявшая в дочери и всегда притеснявшая Фэн Яояо, несомненно, помогла бы своей дочери замести следы и довести дело до конца. Будучи супругой начальника уезда, она обладала большими связями и возможностями для сделок с горой Хэйянь.

Однако сколь бы влиятельны ни были госпожа Сунь и Фэн Жунжун, власть их ограничивалась внутренними покоями дома Фэн и высшим обществом Тунчжоу. Фэн Яояо рассказывала Янь Лян, что Фэн Чанхай был чрезвычайно строг к своей законной супруге, и госпожа Сунь питала к нему глубокое почтение, не смея переступить черту.

Поэтому, как только Фэн Яояо вышла за пределы этой сферы, какие бы коварные или продуманные планы ни строили госпожа Сунь и Фэн Жунжун, на деле они неизбежно наталкивались на разного рода неожиданности.

И величайшей из этих неожиданностей стало то, что госпожа Сунь и Фэн Жунжун слишком недооценили Фэн Яояо. Они и во сне не могли представить, что Фэн Яояо, которая отроду не выходила за ворота, выросшая у них на глазах бесполезной затворницей, сможет в столь суровых условиях раз за разом ускользать от смерти, спасаясь от рук бандитов с горы Хэйянь.

Равным образом, госпожа Сунь не имела власти вмешиваться в служебные дела Фэн Чанхая. Письмо, о котором просила Янь Лян, было в итоге отправлено от имени начальника уезда Хэйянь, что гарантировало, что госпожа Сунь и Фэн Жунжун о нём не узнают, и оно благополучно дойдёт до Фэн Чанхая.

Янь Лян также слышала от Фэн Яояо, что Фэн Чанхай не был совершенно несведущ в тёмных делишках, творящихся в его доме. Однако в его понимании лишь сыновья были достойными преемниками, продолжателями рода, а потому он строго воспитывал как законных, так и незаконнорождённых сыновей.

А дочери такой ценности не представляли. Даже к Фэн Жунжун, своей единственной законной дочери, Фэн Чанхай в лучшем случае проявлял мимолётный интерес, всё же прочее возлагая на хозяйку дома, госпожу Сунь. Именно поэтому та и могла так обращаться с Фэн Яояо.

Рассказывая об этом Янь Лян, Фэн Яояо мысленно скривила губы. У неё были все основания полагать, что госпожа Сунь, не имея возможности досаждать незаконнорождённым сыновьям, вымещала всё на ней — единственной выжившей незаконнорождённой дочери третьей ветви семьи Фэн.

Но, как говорится, всё это имело силу лишь в пределах дома Фэн. Стоило же делам выйти за эти рамки, Фэн Чанхай, столь щепетильный в вопросах репутации и чужого мнения, непременно стал бы действовать строго по правилам.

Следовательно...

Фэн Яояо была уверена: раз госпожа Сунь и Фэн Жунжун вступили в сговор против неё, опозорив тем самым Фэн Чанхая даже в глазах начальника захолустного уезда Хэйянь, он не останется безучастным.

Госпожа Сунь и Фэн Жунжун наверняка уже получили от него нагоняй.

Зная мелочный и злопамятный нрав своей мачехи и сводной сестры... Фэн Яояо легко могла представить, чем те сейчас заняты — сидят в доме Фэн, скрежеща зубами от ненависти к ней и строя планы, как в будущем воздать ей за эти унижения сторицей.

Фэн Яояо: «...»

Она решила поскорее взглянуть на свою покровительницу, чтобы успокоиться.

Мало ли что, но с такими умениями, как у неё, та в любой момент могла бы вывести её из дома Фэн.

Что до сюжетов, встречающихся в историях о попавших в иные миры, где героиня, заручившись поддержкой могущественного покровителя, возвращается, чтобы сокрушить обидчиков... Фэн Яояо, конечно, о таком мечтала, но отдавала себе отчёт в полной невозможности подобного.

Фэн Яояо не была новичком, только что попавшим в эпоху Дажун. Она прожила здесь уже целый год. Она отчётливо понимала: в этом мире между ремесленным сословием и официальными властями лежала непреодолимая стена. Дело было не в том, кто кого подавит, а в том, что они существовали в принципиально разных системах. Между ними сложились негласные правила, гарантировавшие взаимное невмешательство.

Её покровительница, вне всяких сомнений, принадлежала к ремесленному сословию. Даже если бы та, узрев в Фэн Яояо необычайные задатки, внезапно вознамерилась помочь ей отомстить (что само по себе невероятно), это прямо нарушило бы негласные правила этого мира. И тогда её покровительнице пришлось бы столкнуться не только с мстостью семьи Фэн, но и с противодействием всего официального мира.

Чтобы по-настоящему «отомстить» в доме Фэн, ей потребовался бы официальный статус, превосходящий статус Фэн Чанхая — например, быть дочерью чиновника более высокого ранга, истинной аристократкой из знатного рода.

...Но это было совершенно невозможно.

— Шестая младшая госпожа, — раздался голос господина Мэна из-за занавески кареты, — прошу выйти.

Занавеску откинули, и Фэн Яояо увидела свою служанку Лин Дан, ту самую, что часто по приказу госпожи Сунь и Фэн Жунжун приходила её изводить.

— Шестая младшая госпожа, давно не видались, — Лин Дан осклабилась той самой знакомой Фэн Яояо язвительной и высокомерной ухмылкой и протянула руку, чтобы помочь ей сойти.

Фэн Яояо: «...»

Спустя два-три месяца она вновь оказалась во власти этой женщины. Она думала, что почувствует хоть каплю прежнего страха или хотя бы напряжения, но, увидев лицо Лин Дан, в памяти прежде всего всплыло лицо левого охранника с горы Хэйянь, Ту Далана.

То самое лицо, что сперва надменно и самоуверенно взирало на неё, а затем обезобразилось от ужаса перед Янь Лян.

При этой мысли Фэн Яоя едва не рассмеялась, глядя на ехидную физиономию Лин Дан.

...Чего бояться-то? Покровительница же сказала: в доме Фэн она может вести себя как пожелает, быть такой же яркой и вызывающей, как её наряд, и делать лишь то, что ей по душе.

И потому Лин Дан, ожидавшая, что шестая младшая госпожа, как обычно, с безжизненным, отрешённым видом протянет руку, дабы та повела её куда следует, увидела, как та вдруг выпрямила спину, презрительно фыркнула, проигнорировала протянутую руку и самостоятельно спустилась с кареты.

Лин Дан: «...»

Лин Дан: «???»

Что происходит?

Фэн Яоя несколько секунд любовалась тем, как улыбка медленно сползает с лица Лин Дан, после чего поспешила помочь сойти своей покровительнице.

Согласно правилам, незаконнорождённая дочь по возвращении должна была немедленно предстать перед мачехой. Продолжая игнорировать Лин Дан, Фэн Яоя вместе с Янь Лян решительно направилась в покои, где её ожидала госпожа Сунь.

Картина, открывшаяся ей при входе, вполне соответствовала ожиданиям: госпожа Сунь восседала наверху с помрачневшим лицом, а рядом с ней стояла Фэн Жунжун, пылавшая ненавистью и, казалось, жаждавшая содрать с Фэн Яоя кожу.

А Фэн Чанхай? Разумеется, он не стал бы запросто появляться в женских покоях. Фэн Чанхай уже сделал достаточно, вернув Фэн Яоя ради сохранения лица. Теперь, коль скоро она дома, что бы ни случилось дальше — всё стало внутрисемейным делом, и он предоставил его на усмотрение хозяйки дома.

— Фэн Яоя! Гадкая тварь! — Фэн Жунжун, не способная сдержать гнев, выпалила это при первой же встрече. — Почему ты ещё не сдохла на стороне?!

Госпожа Сунь не стала останавливать дочь. Притворно неспешно отхлебнув чаю, она устремила на Фэн Яоя леденящий взгляд:

— Шестая дочь, признаёшь свою вину?

Фэн Яоя: «...»